

Олег Мошников

Олег Эдуардович Мошников – родился в 1964 году в городе Петро-заводске. По национальности – вепс. В 1988 году окончил Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты. После сокращения военно-строительного отряда служил в органах МВД и МЧС – инспектором и пропагандистом пожарной охраны. В 1996 году окончил Ивановское пожарно-техническое училище (заочно). Подполковник внутренней службы – в отставке. На данный момент работает в одном из подразделений пожарной охраны Республики Карелия. Публиковался в журналах: «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Наши современник», «Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Приокские зори», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», еженедельнике «Литературная Россия». Автор пяти сборников стихов и трёх книг прозы. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

ЗЁМИНА ЗВЕЗДА

Игорю Захаренко

Приезжайте в гости, однобатарейцы! –
Будто ночью зимней, дав мечтам согреться,
Заплетают стёжки фонари и рельсы,
Приближая встречу, распаяя сердце...

Говорить не будем – о разлуке скорой:
Сдёрнем гильзу-память пробковым затвором! –
Мы друзей по силе, впрок не выбирали –
С кем тягать станины пушек на Урале.

Пустотою гулкой полнится бутылка:
– О Земеле слышал?
– Как же? Жив курилка!
Правда, стал с годами незаметней, тише.
Словно из подполья: не звонит, не пищет...

Раз стояли с Зёмой в дальнем оцепленье.
Эхо полигона. Ночь на загляденье!
Костерок бессонный меж созвездий вьётся:
– Есть звезда на свете – много больше Солнца, –
Светит Бетельгейзе где-то – среди тысяч...

Как на небе, друже, эту точку высечь,
Чтоб летела искрой далеко и ало?
А звезда на сердце с той поры мерцала...

РАЗОРВАННЫЕ ПЕСНИ

(воспоминание о мае 1979 года)

Всё не сердцем, умом понимаем –
Больше львовское время не с нами...
В белопенном каштановом мае
Развивалось победное знамя!

Шли полки ветеранов парадом –
Площадями весеннего Львова,
И крутилось кино по фасадам,
Вспоминая о часе суровом, –

Под Варшавой, Белградом и Веной
Передышки фашистам не дали!
Гордой песенной славой военной –
Фронтные звенели медали...

Век двадцатый – остался в минувшем.
Новый век честь дедов не приемлет:
За столом «Черемшину», «Катюшу»
Не поют разобщённые семьи.

На посулах канадских, немецких –
Рвёт Украину кричит кровавый!
Под речёвки нацистских приветствий
Марширует братва в балаклавах.

Отступая, клубятся каштаны,
Тают скорбные свечи вдоль улиц:
Языки, самостийные страны,
Даже песни – враждой обернулись.

ЭХО

Какая на Солнце жизнь? –
Сплошные ветра и пятна...
А мне говорят: – Держись! –
Писатель, оно понятно,

В безбрежность уйдёшь не весь...
За «ЭХОм» – следит больница:
Шумы – вокруг аорты – лес,
А сердце – на ветке птица.

Поляны – трава по грудь!
В затоках тиха речушка...
Подольше со мной побудь,
По Солнцу поплачь, кукушка.

* * *

В Киев? И думать о том не моги...
В распрях окраина русской земли,
Рознь – прямохожие застит пути.
«Ты погоди, Соловей, не свисти!»
Встал на развилке Илья-богатырь:
Стáрине – камень, брани – пустырь.
Ніч яка місячна. Светит луна...
В шаге от отчего дома – война.

* * *

Змею Горынычу зла не спустить,
Головы ополовинив...
С русскими сказками не по пути
В прошлое Украине.

Дивное диво – Кошечья смерть:
Де ж вона, цаца?
Не сокрушили Донецкую твердь
Битые яйца.

Вырвано «мясо» былинных страниц,
В борщ – Евровиденья лавры...
Сквозь скорлупу мезозойских яиц
Ломятся укрозавры.

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Тяжко – в «плюс» –
Шагать в шинели,
В «минус» –
Кутаться теплее.
Тяжко,
Господи Иисусе! –
С калашом
Ползти на пузе,
Обдирать сукно

На шее...

Гвозди
Тела
Тяжелее.

* * *

Дворовый тополь...
Видишь, как
растеньё
в двести три вершка,
а всё бы
пьяному шататься.

Ушедший в штопор
военком
водил по лужам черенком
и подметал
небесный плац.

В губах окурочек угас.
Но горький,
тонкий,
серый дым
остался самым дорогим.

РЯДОВОЙ ГУЛЛИВЕР

Арзамасские приметы:
Полигон, река, лесок.
После стрельб солдаты в лето
Совершили марш-бросок!

Замкомроты огорошил –
Раньше спуску не давал –
Разрешил на речке Тёше
Неожиданный привал.

Безмятежный, необутый...
Город Сочи – наяву.
Муравьишки-лилипуты
Заплели меня в траву.

Мои мысли – без пилотки –
Перешли за Рубикон.
До Берлина путь короткий,
Но ещё короче – сон.

Мурашам на пляже тесно.
Поднимать солдат пора...
Занял маршевое место
Человек-Олег-гора.

ИМЕНЕМ ГОГОЛЯ

Прерывисто:

– Улица Го...л-л...ая! –

Маршрут объявляет шофёр

В трескучий динамик...

На Гоголя

Стоит гастроном до сих пор,

Где я, устремляясь за мамою,

Подол выпуская из рук,

Детсадовской хлопал панамою

Гуляющих гоголем мух...

Всё те же дороги и факторы,

Вокруг чинодралов возня:

Бессильны липучки и рапторы

В России – до Судного дня.

И тень Николая Васильича –

Превыше мушиной возни,

Когда и чернильницей выручит:

– Мою мухоловку возьми...

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

по мотивам английской народной поэзии

Это бичующий слесарь Синицын,
Который всё пьёт и не может напиться,
Горит изнутри и вот-вот загорится
В доме, где кран опечатал ЖЭК.

А это запойно талантливый Кошкин,
Который картины малюет за «стошку»
И вместо дверей вылетает в окошко
Дома, где стёкла не ставит ЖЭК.

А это пожарный инспектор Собакин,
Который серьёзные пишет бумаги,
Собачась с пьянчужками чуть не до драки
В доме, где их не пропишет ЖЭК.

А это вконец опустившийся Ёлкин,
Который кладёт протоколы на полку,
Которые скоро пойдут на растопку
В доме, где трубы не чистит ЖЭК.

А это доцент-алкоголик Коровин,
Который набучил кустистые брови,
Который на ягодах брагу готовит
В доме, где ВУЗ не закроем ЖЭК.

А это пастух из Осетии Гога,
Который Коровина лупит жестоко
За то, что он бражными газами грохал
В доме, где рай не устроит ЖЭК.

А это пожар в расселённой квартире,
В которой цыгане неделю кутили
И третьего дня ещё печку топили
В доме... которого нет.

РАБОЧЕЕ МЕСТО ПОЭТА

Рабочее место моё –
Пожарных тревог колотыё,
В подвалах задымленных свет,
Где – места Поэзии нет...
Контора родная не прочь
Служивому люду помочь,
Спецовкой какой-никакой
И выданной в кассе деньгой.

Одна без оценки труда
Поэзия – жар и вода,
Плывущий над озером дым...
Запаханным сердцем больным
До жженья себе не прощу,
Что начатый стих отпущу,
В душевных заблудах тропу –
Восторг, и печаль, и судьбу!

НА МОРЕ БЕЛОМ

– Когда приедем? Сколько миль
Трястись? Одна напасть:
Чёрт напрямки веревку вил,
И та оборвалась.

Во вторник – морось и волна,
В четверг – бушлат промок.
Зубатка даром не нужна,
И фокус был не впрок.

Покинул остров Робинзон
И – пятницы не ждал:
Глядеть на серый горизонт
Давно прошла нужда...

Приветил катер огонёк,
Туман перевалив.
Причал поморский недалёк –
Когда бы не прилив.

Когда б не заняла Чупа
Бараки старых зон –
До сей поры бы не ступал
На берег Робинзон.